МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Прогулка за Днѣпромъ.

(Письмо къ другу.)

C'est un bien pour un voyageur d'avoir acquis un fond d'émotions douces et vives, dont le souvenir se renouvelle pendant toute sa vie. *Barthélemy.*

Ты хочешь, люб. другъ, имѣть разбросанныя черты моего путешествія по Задѣпровскимъ губерніямъ: вотъ онѣ, въ томъ самомъ видѣ, какъ я сохранилъ ихъ для моего сердца, безъ приведенія ихъ въ особую систему, которая требуетъ и много времени и многихъ изысканій, для меня невозможныхъ. Снисходительность дружбы извинитъ, можетъ быть, безпорядокъ мыслей, изъ уваженія къ чувствамъ.

Тебѣ извѣстно, что цѣлыхъ три года провелъ я въ Волынской губерніи, въ тишинѣ и успокоеніи, до тѣхъ поръ для меня чуждыхъ. Большая часть моего времени протекла въ уединеніи, въ бесѣдѣ съ *живыми мертвецами* и съ природою.

Пріятный климатъ Волынскій, гостепріимство тамошнихъ жителей и впечатлѣнія разнаго рода, дѣлаютъ для меня страну сію незабвенною. Признательность моя столь велика, что я рѣшилсябы составить цѣлое историческое и статистическое описаніе сего края, если-бы бѣдность матеріяловъ меня не удерживала. Представь, что не смотря на всѣ старанія мои, я не могъ даже получить списка Волынской Лѣтописи, которую намѣревался повѣрить на мѣстѣ и снабдить толкованіями.

Наконецъ, наступила минута проститься съ Волынью; время было весеннее, а потому, прежде нежели оставлю Волынь, рѣшился я объѣхать, по крайней мѣрѣ, ближайшія ея округи. Майское солнце вызвало меня въ путь и я началъ свою прогулку съ уѣзднаго города *Острога*, знаменитаго древностью.

Острогъ принадлежитъ нынѣ Князю Карлу Яблоновскому; здѣсь была столица Князей Острожскихъ, владѣвшихъ большою частію Волыни и воинскими доблестями и благочестіемъ своимъ напоминающихъ въ нашей Исторія блистательнѣйшихъ рыцарей временъ помѣстныхъ. Острогъ сохраняетъ и понынѣ отпечатокъ минувшей силы; живописныя развалины его представляются со всѣхъ сторонъ путешественнику: стѣны, рвы, башни и древняя церковь, въ коей, говорятъ, обру-

ченъ былъ Димитрій Самозв. съ Мариною, плѣняютъ воображеніе ваше, доколѣ не въѣдете въ городъ, ибо тутъ увидите вы совершенно иное зрѣлище: вѣчная, непроходимая грязь въ улицахъ и корыстолюбіе Жидовъ совершенно разочаруютъ васъ въ одну минуту. Не смотря на то, скитаясь при лунномъ свѣтѣ по прекраснымъ развалинамъ замка и церкви Острожской, я забывался и мысль моя, на крылахъ мечтаній, неслась туда, къ развалинамъ Колизея, гдѣ обитаетъ память всего благороднаго и великаго: источникъ воспоминаній и надеждъ утѣшительныхъ!..

Въ Острогѣ обращаетъ Г. Руссовъ (*) вниманіе на Греческую улицу: вѣроятно, это та самая, которую называютъ теперь *Жидовщиною*. Домъ Славянской типографіи, заложенный Кн. Константиномъ Константиновичемъ, еще стоитъ и — занятъ Жидами. Первымъ изданіемъ сей типографіи былъ, какъ извѣстно, Новый Завѣтъ, въ 1580 и Библія, въ 1581 г. (**). Тутъ-же, въ монастырѣ Св. Преображенія видна гробница храбраго Гетмана Карла Ходкѣвича, умершаго во время похода противъ Турковъ въ Хотинѣ (24 Сент. 1621) и погребеннаго здѣсь второю своею супругою, урожденною Княжною Острож-

(*) Волынск. Зап. стр. 105.

(**) Опытъ Росс. Библіограф., Сопикова, Т. 1. No 703 и 109. Библіогр. Листы, Кеппена, стр. 297.

скою (*). Епископъ Волынскій имѣлъ свое пребываніе въ Острогѣ, но въ 1824 году переселился въ Аннополь, ближайшее мѣстечко къ оному.

Изъ Острога поѣхалъ я въ *Дорогобужъ*, деревню тогожъ уѣзда, въ 4 миляхъ отъ сего города и въ 2-хъ отъ Ровна, на лѣвомъ берегу Горыни. Нѣкогда, т. е. начиная отъ XII го столѣтія, былъ здѣсь знаменитый удѣльный городъ, коего владѣтельные Князья боролись съ Кіевомъ. Сіе княженіе составляло почти всегда одинъ удѣлъ съ Пересопницею, а свѣдѣнія касательно его исторіи можно почерпнуть изъ Волынской и Кіевской лѣтописей, приводимыхъ Исторіографомъ во II и III томѣ Ист. Гос. Росс. Наименованіе Дорогобужа произошло, кажется отъ того, что здѣсь проходила *дорога* отъ *Буга*, т. е отъ Владиміра Волынскаго къ Кіеву. Это видно, по крайней мѣрѣ, изъ похода Изяславова въ 1151 году. Отъ Дорогобужа къ Кіеву находятся мѣста, поименованныя въ семъ походѣ (**).

Нынѣшняя деревня имѣетъ въ себѣ неболѣе 50 хатъ и принадлежитъ помѣщику Вигурѣ; положеніе ея, на крутомъ берегу, показываетъ мѣсто, бывшее нѣкогда городомъ, т. е. крѣпостью. Слѣды окоповъ и нѣсколько кургановъ кой-гдѣ

(*) Dzieie panowania Zygmunta III, Нѣмцевича, T. III, 375.
(**) Ист. Гос. Росс. II. 243 и прим. 332.

измѣняютъ древнее происхожденіе Дорогобужа. Въ одной милѣ отъ сей деревни лежитъ м. *Гуща*, которое Исторіографъ нашъ, неизвѣстно по какимъ отношеніямъ, именуетъ *Гащею*, принадлежащею Панамъ Гаскимъ; но такой фамиліи здѣсь вовсе нѣтъ (*). Въ семъ мѣстечкѣ учился Димитрій Самозванецъ Польской и Латинской грамоттѣ, и хотя теперь принадлежитъ оное къ уѣзду Острожскому, но въ прежнія времена могло быть частію повѣта Луцкаго.

Проѣхавъ черезъ Ровно, городъ коротко мнѣ знакомый, отправился я осмотрѣть деревню *Хотинъ*, на берегу Горыни, при коей нашелъ любопытное укрѣпленіе.

Деревня сія лежитъ верстахъ въ 15 отъ города; при оной находится паромъ, у котораго соединяются дороги, ведущія изъ сего уѣзда въ сѣверную часть Волынской губерніи, называемую *Полѣсье;* древнее жилище Ятвяговъ. Здѣсь, на лѣвомъ берегу рѣки, видны слѣды древняго укрѣпленія, вѣроятно защищавшаго переправу. Оно состоитъ изъ двухъ искуственныхъ кургановъ, изъ коихъ передній нѣсколькими шагами ниже задняго. Сей послѣдній возвышается надъ поверхностію Горыни шаговъ на 80, верхняя плоскость его имѣетъ 140 шаговъ въ длину и 100 въ ширину: она не совсѣмъ правильна и пред-

(*) Idem, XI, 129, прим. 203.

ставляетъ фигуру трапеціи. Передній курганъ кругообразенъ и верхняя площадь его имѣетъ 20 шаговъ въ діаметрѣ. Оба кургана обведены однимъ, двумя и тремя рядами (смотря по мѣстоположенію) малыхъ насыпей, кои служили вмѣсто наружныхъ укрѣпленій. Задняя часть высшаго кургана покрыта густымъ лѣсомъ, сквозь который идетъ едва проходимая дебрь въ д. *Ходосы*; впереди, ксторонѣ нынѣшняго парома, простирается небольшая площадка, удобная для пораженія непріятеля.

Между переднимъ и заднимъ возвышеніемъ видно находившееся сообщеніе. Верхній слой земли, глинистой почвы, доказываетъ, что это укрѣпленіе было искуственное.

Верстахъ въ двухъ отъ сей деревни, къ сторонѣ Ровно, лежитъ посреди гладкаго поля камень, къ которому преданіе присоединило слѣдующую повѣсть. Молодая крестьянка, идучи одна по дорогѣ, была настигнута Гайдамаками, т. е. казаками Запорожскими, нѣкогда столь ужасными для сего края. Неистовые казаки, смѣясь ея слезамъ и моленіямъ, были готовы принесть ее на жертву страсти своей; тогда, видя неминуемую гибель, крестьянка обратилась съ мольбою къ Богородицѣ, прося обратить ее въ камень. Желаніе ея исполнилось, а казаки, въ бѣшенствѣ, стали топтать камень сей, еще мягкій, копытами

лошадей: и въ самомъ дѣлѣ видны тутъ знаки, похожіе на слѣды лошади. Неподалеку отсюда, на лѣвомъ-же берегу Горыни, есть высокій холмъ въ глубокомъ оврагѣ: сказываютъ, что нечистый, рѣшась затопить Волынь разливомъ Горыни, бѣжалъ съ сею горою на плечахъ, намѣреваясь ею запрудить рѣку; уже былъ онъ въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ отъ оной, но непріязненный пѣтелъ вскричалъ и — гора свалилась съ плечъ нечистаго. Такія преданія достойны, по моему мнѣнію, занимать не одного простолюдина: они одушевляютъ каждое зрѣлище природы, подобно тому, какъ Дріады и Ореады одушевляли сельскія картины Грековъ. Польскіе Поэты чувствуютъ близкую связь сихъ преданій съ народностью своего искуства. Не говоря уже о Мицкевичѣ, извѣстномъ Русской публикѣ своими романтическими Балладами, я упомяну о молодомъ стихотворцѣ Волынскомъ, Г. Конопацкомъ, который въ Балладѣ: *Три креста у Брынова*, соединилъ пріятность и простосердечіе.

Съ такими мыслями продолжалъ я далѣе свое путешествіе.

Пересопница, небольшое селеніе, изъ 18 дворовъ состоящее, лежитъ въ одной милѣ отъ м. *Клевани* (Ровенскаго уѣзда), вверхъ по теченію рѣчки, называемой *Стубль* или *Струбелка*. Мѣсто сіе знаменито въ Исторіи Руской 12-го и 13-го

столѣтій, особенно-же въ княженіе Изяслава Мстиславича въ Кіевѣ. Пересопница, по вступленіи на престолъ сего Государя (1146), сдѣлалась удѣльнымъ городомъ Вячеслава, сына Мономахова, пытавшагося также взойдти на престолъ Кіевскій и владѣвшаго прежде Туровымъ, а потомъ Переяславлемъ. Вячеславъ сдѣлался отъ того непріятелемъ Великаго Князя и участвовалъ противу него въ войнѣ Георгія Долгорукаго; но въ 1150 году заключенъ миръ въ Пересопницѣ и всѣ Князья Россійскіе сидѣли тамъ на одномъ коврѣ въ знакъ согласія (*). Не смотря на то, вражда возобновилась въ томъ-же году. Пересопница досталась прежде Глѣбу, сыну Георгіеву, который не могъ удержать города противу Изяслава; потомъ брату его Андрею (Боголюбскому), который укрѣпилъ сей городъ. Изяславъ, въ походѣ своемъ 1151 года, миновалъ Пересопницу (доказательство, что и въ то время не признавали необходимости заниматься осадою всякой встрѣчающейся крѣпости). Въ Кіевской Лѣтописи сказано, что Изяславъ при семъ случаѣ »несже Зарѣческъ (**).« Я долго искалъ и наконецъ отыскалъ сіе мѣсто: теперь называется оно *Зароницкъ*, принадлежитъ помѣщику Нововейскому, и находится не болѣе $\frac{3}{4}$ мили разстояніемъ отъ Пересоп-

---

(*) Idem, II, 238.
(**) Idem, II, прим. 332.

ницы, на другомъ берегу Стублы. Изъ сего похода Изяславова видно, какъ замѣтилъ я выше, что тогдашняя дорога на Кіевъ была отъ Устилуга или Владиміра Волынскаго черезъ Луцкъ, Пересопницу, Дорогобужъ къ Корцу. Въ правленіе Долгорукаго (1156), Пересопница, вмѣстѣ съ Дорогобужемъ (съ коимъ, кажется, составляла она всегда одно княженіе), отдана Владиміру Андреевичу, внуку Мономахову, коего отецъ владѣлъ Червенскою областію и Владиміромъ. Въ 1169 году, сей Владиміръ Андреевичъ былъ въ числѣ союзниковъ Андрея Боголюбскаго противъ Кіева, который съ того времени утратилъ навсегда престолъ Всероссійскій, перенесенный во Владиміръ Залѣскій. Кажется, что Владиміръ Андреевичъ перевелъ свое княженіе въ Дорогобужъ, ибо тамъ скончался онъ. Въ 1211 и 1217 годахъ является въ междоусобіяхъ Галицкихъ Мстиславъ Ярославичъ нѣмой, Князь Пересопницы, какъ говоритъ о томъ Волынская Лѣтопись. Сей Князь былъ въ числѣ первыхъ Россіянъ, побѣжденныхъ Татарами на рѣкѣ Калкѣ (1223). При смерти своей отказалъ онъ Пересопницу, Черторыскъ и Луцкъ, также имъ наслѣдованный, Даніилу Галицкому, который, въ 1227 г. утвердивъ мечемъ сіе пріобрѣтеніе, предоставилъ оное брату своему Васильку. Съ тѣхъ поръ вся страна сія дѣлается областію Галиціи,

а потомъ Литвы и Польши. Любопытство завлекло меня поздно посмотрѣть Пересопницу, хотя я около двухъ лѣтъ жилъ въ ея сосѣдствѣ; но удовольствіе сего путешествія превзошло всякое ожиданіе. Теченіе Стублы извивается съ удивительнымъ разнообразіемъ; оба берега усѣяны множествомъ деревень. Не доѣзжая Пересопницы, за три версты, къ сторонѣ Клевани, есть деревня *Бѣлёвъ*, коей вся окрестность изрыта множествомъ овраговъ, образованныхъ старыми дорогами, лучшими доказательствами древности. Курганы разной величины разбросаны по всему полю; въ одномъ мѣстѣ возвышаются остатки укрѣпленія, совершенно сходнаго съ тѣмъ, которое описано выше. Словомъ, все сіе мѣсто дышетъ стариною. Собственно-же Пересопница стоитъ на небольшомъ возвышеніи, обнесенномъ валомъ и рвомъ, но вся эта укрѣпленная поверхность не имѣетъ и квадратной версты протяженія. Не должно-ли заключить изъ сего, что нынѣшній *Бѣлёвъ* былъ прежде Пересопницею, столь знаменитою въ княженіе Вячеслава Владиміровича? Какъ-бы то ни было, а мѣсто сіе заслуживаетъ вниманіе путешественника, тѣмъ болѣе, что и природа представляется здѣсь кроткою, благодѣтельною. Деревня сія принадлежитъ нынѣ Кн. Константину Черториж-

скому и ею владѣетъ Католическая церковь Клеваньская.

Изъ Пересопницы поѣхалъ я въ с. *Дермань*, знаменитое древнимъ Греко-Россійскимъ монастыремъ своимъ, принадлежащимъ къ Исторіи.

Начало сего монастыря неизвѣстно: Изъ архивскихъ бумагъ онаго, большею частію до собственности монастырской относящихся, видно только, что онъ основанъ гораздо ранѣе 1512 года, Кн. Острожскими, которые въ то время владѣли большею частію Волыни и одарили его богатыми маетностями. Неизвѣстно также, въ какое время отошелъ онъ къ Уніятамъ, которые занимали его безпрепятственно до 1824 года; но въ сіе время, по представленію Епископа Стефана, онъ возвращенъ *благочестію* (*). Дерманьскій монастырь замѣчателенъ для Русской Исторіи по тремъ отношеніямъ: во первыхъ потому, что въ 1602 году, Димитрій Самозванецъ проживалъ въ ономъ (**); но о семъ происшествіи я не нашелъ ничего, ни въ бумагахъ, ни въ преданіяхъ монастырскихъ. Около сего-же времени заложена тутъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ книго-

---

(*) Благочестіемъ въ Польскихъ губерніяхъ называютъ вѣру Православную Греко-Россійскую, для отличія отъ Уніятской.

(**) Ист. Гос. Росс. Т. XI, 128.

печатня, первымъ изданіемъ коей былъ Октоихъ, 1603 г. (*). Я съ любопытствомъ разсматривалъ сію книгу, напечатанную, кажется, въ 6-ю долю или въ большую осьмушку. Въ началѣ оной находятся похвальные стихи Кн. Константину Константиновичу; за ними предисловіе, съ одной стороны языкомъ Славянскимъ, т. е. церковно-Русскимъ, а съ другой Русскимъ, т. е. областнымъ Волынскимъ. Сей послѣдній нѣсколько понятнѣе, особенно для тѣхъ, кои говорятъ по-Польски (**).

Тутъ-же въ библіотекѣ есть книга Славянская, напечатанная Буквицею или Глаголическою азбукою; но какъ заглавнаго листа и первыхъ трехъ страницъ ея недостаетъ, то и не льзя было въ короткое время узнать ея содержанія. Изъ архива монастыря Дерманьскаго, съ нѣкоторыхъ любопытнѣйшихъ грамотъ были сняты списки и доставлены покойному Графу Николаю Петровичу Румянцову для Собранія государственныхъ грамотъ. Одно также изъ главныхъ примѣча-

---

(*) Оп. Русск. библіограф. Сопикова, который, кажется, ошибочно говоритъ, что книга сія напечатана въ малый листъ.

(**) За неимѣніемъ буквъ, мы должны были исключить здѣсь любопытныя замѣчанія Автора объ ороографіи Острожскаго Октоиха; впрочемъ, книги Острожской печати довольно извѣстны нашимъ библіографамъ. *Изд.*

тельностей сего монастыря есть то, что знаменитый, какъ ученостію, такъ еще болѣе непостоянствомъ своимъ въ перехожденіи отъ Уніятскаго исповѣданія къ Греко-Россійскому и обратно, славный въ Исторіи Уніи, Мелетій Смотрицкій, былъ Архимандритомъ Дерманьскимъ (*). Въ библіотекѣ монастырской сохраняются двѣ книги его: Библія и Лексиконъ Греко-Латинскій, помѣченныя прекраснымъ Греческимъ почеркомъ сими словами: *Ἐκ τῶν τοῦ Ἀρχιεπισκόπου Ἱεραπολ: Μελετίου Σμοτρισκη Ἀρχμ̃δρ: Δερμ.* Изъ сего видно, что Смотрицкій называлъ себя Архіепископомъ Іерапольскимъ. По списку Архимандритовъ Дерманьскихъ, мы усмотрѣли, что управлять симъ монастыремъ началъ онъ въ 1627 году; преемникъ-же его поставленъ подъ 1634 годомъ, почему годъ сей и должно полагать временемъ его смерти. Тѣло Мелетія Смотрицкаго погребено въ церкви; но никакая надпись не сохраняетъ его памяти. Портретъ его, находящійся въ монастырѣ, писанъ въ Архіепископскомъ облаченіи. Преданіе сохраняетъ въ здѣшнемъ саду то мѣсто, на коемъ онъ любилъ спасаться молитвами и размышленіями послѣ бурной жизни своей. Намѣстникъ монастыря отецъ Іустинъ и Іеромонахъ Іоанникій приняли меня гостепріимно въ тихой обители своей и не отказали от-

(*) Исторія объ Уніи. М. 1805 г. стр. 85 и 86.

вѣчать на тѣ вопросы, кои предлагало имъ мое любопытство. День проведенный въ Дерманьскомъ монастырѣ, принадлежитъ къ пріятнѣйшимъ моего путешествія. Взглядъ на деревню Дермань напоминалъ мнѣ счастливыя мѣстоположенія селеній въ Богеміи, Силезіи и на берегахъ Рейна: она заключаетъ въ себѣ болѣе 350 домовъ, кои будучи разбросаны по холмамъ и окружены садами, радуютъ взоръ своею уютностію. Деревня сія принадлежитъ большою частію Кн. Максимиліану Яблоновскому, которому, черезъ Князей Любомирскихъ, досталась изъ огромнаго наслѣдія Острожскихъ. Участокъ, оставшійся за монастыремъ, управляемъ въ пользу его Казенною Палатою. Одна изъ окрестныхъ горъ называется *Городищемъ*, и сказываютъ, будто тутъ въ древности былъ городъ.

Изъ Дерманьскаго монастыря отправился я въ *Дубно*. Городъ сей славился прежде своими контрактами, кои въ 1798 году перенесены въ Кіевъ; но и теперь, въ Январѣ мѣсяцѣ, на Крещенскую ярмарку, съѣзжаются сюда помѣщики Волынскіе, не имѣющіе надобности быть въ Кіевѣ: тогда городъ оживаетъ и Дубенскіе редуты блистаютъ красавицами. Историческое существованіе Дубно начинается съ 30 Іюня 1100 года, когда Князья Русскіе, на общемъ съѣздѣ близъ Кіева, отняли у Давида Игоревича Владимірскую

область, а въ замѣнъ ея дали сей городъ и нѣкоторые другіе (*). Крѣпость-же и дворецъ Дубенскіе построены въ 1498 году; Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ (**). Нынѣшнее Дубно принадлежитъ Кн. Іосифу Любомирскому (***).

Желая взглянуть на Австрійскую границу, я отправился въ Радзиловъ; но здѣсь, кромѣ Русской таможни и Еврейской алчности нѣтъ ничего примѣчательнаго, а потому и возвращаюсь къ Кременцу черезъ Крупецъ.

Крупецъ, мѣстечко, въ 4 верстахъ отъ Радзивилова, принадлежитъ Кн. Станиславу Любомирскому и любопытно тѣмъ, что сохраняетъ тѣло его отчима, Графа Игельстрома, знаменитаго въ исторіи Россіи и Польши. Супруга его, бывшая за Княземъ Любомирскимъ и Гр. Залускимъ, принесла ему за собой сіе мѣстечко; по смерти ея соорудилъ Гр. Игельстромъ церковь, въ коей похоронены ея останки; самъ-же онъ, какъ Лютеранинъ, лежитъ въ часовнѣ внѣ костёла. . .

(*) Ист. Гос. Росс. II, 133.

(**) Вол. Зап. стр. 63.

(***) Не знаю почему въ Сѣв. Пчелѣ было сказано; будто Дубно принадлежитъ Яблоновскимъ (см. 1825 г. No 25). Въ сей-же газетѣ (1825, No 24) увѣряли, что Ржевускій скончался Волынской губерніи, въ Липовецкомъ повѣтѣ, но городъ Липовецъ находится не въ Волынской, а въ Кіевской губерніи.

Въ этомъ-же костелѣ находится портретъ Игельстрома: умное, но чрезвычайно важное лице его представляетъ вамъ явно того человѣка, который пережилъ $\frac{6}{17}$ Апрѣля 1794 года въ Варшавѣ, когда прiятный и гостепрiимный городъ сей сдѣлался мѣстомъ злобы и мщенiя. Характеръ Игельстрома, кажется, выйдетъ безъ пятна изъ суда потомковъ, ибо нѣкоторые писатели того времени *упрекаютъ* его въ снисходительности.

Въ Крупцѣ находится казацкiй кордонъ, наблюдающiй контробандистовъ, которые успѣли-бы пробраться сквозь цѣпь таможенныхъ разъѣздчиковъ, на самой границѣ стоящихъ.

Отсюда расходятся двѣ дороги: почтовая на Дубно, Острогъ, къ Житомиру и Кiеву; и торговая, черезъ Кременецъ, Ямполь и Любаръ къ Бердичеву. Я избралъ послѣднюю и навѣстилъ Кременецъ, занимающiй въ просвѣщенiи Польши такое мѣсто, какъ въ Германiи Веимаръ, разумѣется по сравненiю.

Кременецъ можно почесть лучшимъ уѣзднымъ городомъ Волынской Губернiи. Въ Исторiи Россiйской упоминается онъ впервые послѣ 1259 года, когда Куремса, темникъ Батыевъ, тщетно старался овладѣть онымъ при Данiилѣ, Королѣ Галицкомъ; вскорѣ однако-же городъ сей былъ сожженъ по волѣ Буронда я, преемника Куремсы. И въ дальнѣйшiя времена

Кременецъ принадлежалъ Галиціи, вмѣстѣ съ которою отошелъ къ Польшѣ (*). Въ 1500 году, Менгли-Гирей, Ханъ Крымскій, предалъ сожженію сей городъ, вмѣстѣ со многими другими, въ угожденіе Вел. Кн. Іоанну Васильевичу (**). Королева Вона, мать Сигизмунда Августа, имѣла тутъ свое пребываніе и замокъ, коего слѣды удивляютъ взоры положеніемъ своимъ на крутой и высокой горѣ. Съ величайшимъ трудомъ взобравшись на оную, былъ я вознагражденъ прекраснѣйшими видами. Городъ представляется въ планѣ посреди долины, и Жидовская нечистота онаго теряется отъ разстоянія. Почаевъ и другія окрестности обрисовываютъ сіе пространство. По раздѣленіи Польши учрежденъ здѣсь, стараніемъ Ѳаддея Чацкаго, знаменитый Лицей, подъ именемъ Волынскаго. Библіотека его весьма значительна. Изъ числа любопытнѣйшихъ книгъ оной наименую слѣдующія: *De officiis* Цицерона, прекрасное изданіе in 4-o, Готескими буквами, сдѣланное Фаустомъ и Шефферомъ въ 1465 году, въ Маинцѣ: одна изъ первыхъ книгъ по изобрѣтеніи книгопечатанія, особенно примѣчательная тѣмъ, что въ ней впервые употреблены Греческія буквы (***);

(*) Ист. Гос. Росс. IV, 82, 84, 249.

(**) Idem, VI, 302.

(***) См. *Dictionnaire de Bibliologie par Peignot*, 1802 г. Т. II, стр. 312.

De animalibus, Аристотеля, переведенная на Латинскій языкъ Ѳеодоромъ Газе, напечатанная въ 1476 году, въ Венеціи, in folio, на перганинѣ, Латинскими буквами; *Комментаріи*, Цезаря, изданные на Лат. яз. въ Лондонѣ, въ 1712 году: изданіе тѣмъ знаменитое, что въ немъ находится изображеніе зубря, сего дикаго обитателя лѣсовъ Бѣловѣжскихъ (*); Китайская книга, подаренная Яномъ Потоцкимъ, подъ названіемъ: *Commentaire sur l'I - King* (гадательная книга, приписываемая Конфуцію) par l'Empereur Kam-hi: она писана in 4-°, на тонкой тафтяно-образной бумагѣ, продольными линіями вмѣсто поперечныхъ, и длинныя стороны каждыхъ двухъ листовъ соединены вмѣстѣ. Изъ Славянскихъ рѣдкостей заслуживаетъ вниманіе Острожская Библія, напечатанная въ 1581 и по-

---

(*) Зубрь, по-Польски *Zubr*, по Французски *Bison de Lithuanie*, родъ буйвола, живущаго въ лѣсу Бѣловѣжскомъ, около Бѣлаго Стока, гдѣ по рѣдкости, строго запрещается ловить его. Объ этомъ животномъ, впрочемъ мало извѣстномъ, говоритъ и Библія: „Сія скоты ядите: телца отъ говядъ, и агнца отъ овецъ, и козла отъ козъ: еленя, и серну, и буйвола, и лань и *зубря*" (*Второзаконія*, XIV. 5). *Линней* думалъ, что зубрь есть тоже, что *urus* Цезаря, упоминаемый въ его Комментаріяхъ; но другіе Естествоиспытатели считаютъ его особеннымъ видомъ. См. *Abrégé du Systéme de Linné*, par Gilibert, 1802, стр. 490.

дарённая Лицею Чацкимъ. Тамъ-же хранятся XIII мѣдныхъ досокъ, на коихъ вырѣзаны 42 снимка началъ и концовъ Грамотъ, находящихся въ Польскихъ Архивахъ, начиная отъ 1185 до 1786 года. Первая на Польскомъ языкѣ грамота 1621 года; всѣ предыдущія писаны по Латинѣ. Грамоты сіи были напечатаны Ѳ. Чацкимъ, но не изданы (*). Кабинеты Волынскаго Лицея весьма любопытны, какъ равно и ботаническій садъ, въ коемъ соединены растенія почти всѣхъ земель и климатовъ. Управляетъ симъ садомъ Г. Бессеръ, извѣстный въ ученомъ свѣтѣ своею книгою Enumeratio plantarum, а также и собраніемъ наименованій ботаническихъ на языкѣ Польско-Украинскомъ (**). Г. Вицель, иностранный садовникъ, занимается онымъ практически.

Кременецкій Лицей обогащаетъ Волынь, Подоль и Украйну молодыми людьми истинно просвѣщенными. . . . .

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

(*) См. *Списокъ Русскимъ памятникамъ*, Г. Кеппена; 1822, стр. 32, въ примѣчаніи.

(**) См. *Библіогр. Листы*, Г. Кеппена, стр. 128, 549.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Прогулка за Днѣпромъ.

(Окончаніе.)

Разставшись съ Кременцомъ, въ такихъ чувствахъ, какъ будто покидалъ кругъ людей давно мнѣ знакомыхъ, я направилъ путь свой къ Почаеву.

Въ двухъ миляхъ отъ Кременца и въ такомъ-же разстояніи отъ пограничной таможни Радзивиловской, лежитъ сей монастырь знаменитый. Начало онаго скрывается въ отдаленностяхъ Русскаго христіанства; думаютъ однако-же, что находившаяся здѣсь церковь Успенія Богородицы и монастырь при оной, сооружены въ XIII вѣкѣ. Мнѣніе сіе основываютъ на томъ, что писанная въ 1662 году рукопись о монастырѣ Почаевскомъ относитъ явленіе чудотворной стопы Богородицы за 400 лѣтъ до своего времени; но еще прежде того, прибавляютъ, были на семъ мѣстѣ затворники. Подробности сего яв-

ленія и цѣлую исторію сего мѣста, исполненнаго святости, можно найдти въ Польской книгѣ: *Przesławna Góra Poczaiowska, w Poczaiowie.* 1807. *in* 4, въ книгѣ, которую святое терпѣніе побудило насъ прочесть отъ начала до самаго конца. Имя Почаева не имѣетъ-ли какого сродства съ рѣчкою Почайною, подъ Кіевомъ? Какъ-бы то ни было, а тамъ, гдѣ нынѣ мѣстечко Почаевъ, была нѣкогда деревня того-же имени; отъ самаго мѣстечка идетъ гора, едва-ли не повелѣвающая всею окрестностію; а на вершинѣ ея стоитъ монастырь. О явленіи Пречистой Богородицы, когда, въ видѣ столпа огненнаго, предстала она на горѣ предъ молящимися чернецомъ (чему и крестьянинъ Янъ Босый, пасшій овецъ недалеко отъ деревни, былъ свидѣтелемъ), ссылаются на Рускую книгу подъ названіемъ: *Новое Небо*, изданную въ 1665 году во Львовѣ, Архимандритомъ Галятовскимъ (*). Съ тѣхъ поръ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ остановилась Матерь Божія, бьетъ чистый ключъ, вошедшій нынѣ во внутренность церкви. Другая рѣдкость сего монастыря есть чудотворный образъ Божіей Матери, подаренный Греческимъ Митрополитомъ Неофитомъ, который въ 1559 году проѣзжалъ по Волыни. Подписи на сей иконѣ Русскія. Въ 1597

(*) Оп. Росс. Библіограф. Т. I, No 698, въ книгѣ: *Небо Новое*, ссылаются на стр. 99, подъ чудомъ 20-мъ.

году владѣлица здѣшняя Анна Гойская записала маетности Почаеву. Въ послѣдствіи времени наслѣдники ея, принявшіе Лютеранскую вѣру, хотѣли-было отнять сіе даяніе, но стараніемъ Іова Желѣзы, Игумена, оно осталось за монастыремъ. Гробъ сего Игумена, скончавшагося въ 1651 году, показываютъ и нынѣ въ подземельной часовнѣ. Въ 1649 году, помѣщики Домашевскіе выстроили здѣсь обширную церковь, ибо прежняя не могла вмѣщать богомольцовъ. Наконецъ, въ 1771 году, знаменитый шалостями всякаго рода, Николай Потоцкій, сынъ Воеводы Бѣльзскаго, желая примириться съ совѣстію и Провидѣніемъ, заложилъ нынѣшнюю великолѣпную церковь Почаевскую, а двадцать лѣтъ спустя, въ 1791 году, перенесенъ туда и чудотворный образъ изъ прежней церкви. Между многочисленныхъ чудесъ, записанныхъ въ монастырскія книги, любопытнѣйшее есть то, какимъ образомъ въ 1675 году, при осадѣ Турками Почаева, онъ былъ спасенъ чудомъ, многіе страждущіе были исцѣляемы здѣсь отъ болѣзней, и засвидѣтельствовали сіе на засѣданіи, которое по сему предмету имѣлъ Епископъ Луцкій въ 1770 году.

Мѣстоположеніе монастыря Почаевскаго живописно: съ вершины онаго можно видѣть на нѣсколько миль окрестности. Къ сторонѣ Кременца видны три горы, на подобіе сахарныхъ головъ возвышаю-

щіяся на плодоносной равнинѣ. Съ противной стороны открывается утѣшительный видъ Австрійской Галлиціи и монастырь Подкамень. Вообще мѣстоположеніе гористо, ибо отсель тянутся Карпатскія горы въ Венгрію. Въ самомъ монастырѣ примѣчательности заключаются въ слѣдующемъ: гробъ Іова Желѣзы, о коемъ сказали мы выше; гробъ послѣдняго основателя, Николая Потоцкаго: его непомѣрный ростъ и одежда, грубая, но богатырская, переносятъ васъ во времена помѣстной системы, которая въ Польшѣ испустила послѣдній вздохъ свой; образъ Божіей Матери, великолѣпно украшенный: ежедневно, во время обѣдни, поднимается и опускается съ музыкою закрывающій его занавѣсъ, и наконецъ, такъ называемая стопка Божіей Матери, то чудо, для котораго сходятся сюда отдаленные богомольцы. Она вдѣлана въ полъ церкви и обнесена оградою: оттуда почерпаетъ монахъ святую воду для желающихъ. Самый источникъ можно видѣть только со свѣчкою: вода струится тамъ каплями и всегда находится въ маломъ количествѣ. Монахи Почаевскіе суть Уніяты Базиліянскаго ордена: не знаю, въ которомъ году перешли они къ Уніи. Внутренность церкви устроена съ большимъ удобствомъ; живопись изрядная, но особеннаго великолѣпія не видно. Говорятъ, что Базиліяне прячутъ свои богатства.

Въ Почаевѣ учреждена была одна изъ первыхъ типографій Славянскихъ въ нынѣшней Россія; первопечатныя книги ея были: *Зерцало Богословіи*, изданное въ 1618 году, и *Максима Герка слово на Латиновъ*, въ томъ же году (*). Я имѣлъ неосторожность спросить о сихъ книгахъ, и, вѣроятно, заглавіе послѣдней было виною, что мнѣ неудалось видѣть монастырской библіотеки. Нынѣшняя типографія Почаевская занимается большею частію печатаніемъ книгъ старообрядческихъ. Вообще, причины церковно-политическія не позволяютъ путешественнику углубиться здѣсь въ изысканія Славянскихъ древностей. Каждый изъ Польскихъ помѣщиковъ здѣшняго края по крайней мѣрѣ разъ въ годъ считаетъ обязанностію навѣстить Почаевъ; но главные отпусты (**) бываютъ въ праздникъ Рождества Пресвятой Богородицы (Сентября 8го). Тогда стекаются простолюдины и дворянство; ибо Католическая вѣра и Греко-Россійская имѣютъ здѣсь одинаковый доступъ. Знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ, сей Боссюэтъ Великаго Петра, въ молодости своей, какъ извѣстно, монашествовалъ въ Почаевѣ.

(*) Оп. Росс. Библіогр. Т. I, No 387 и 610.

(**) Отпустъ (odpust), церковный праздникъ у Католиковъ, во время коего выдаютъ отпущенія грѣховъ (indulgence).

Изъ Почаева отправился я въ Вишневецъ, мѣстечко Кременевскаго повѣта, въ трехъ миляхъ отъ сего города; оно лежитъ вверхъ по теченію Горыни, которая, въ $1\frac{1}{2}$ милѣ отсюда, у С. Горынки беретъ свое начало. Мѣстечко сіе было столицею славныхъ Князей Вишневецкихъ, отъ коихъ перешло во владѣніе Мнишковъ. Сей домъ, изъ котораго Димитрій Самозванецъ имѣлъ жену свою, не должно смѣшивать съ Графами Мнишками, кои теперь обитаютъ въ Галлиціи. Вишневецъ былъ сильною крѣпостью, о которую не разъ разбивались орды Татарскія: здѣсь въ 1507 году разбиты они Николаемъ Каменецкимъ, Польскимъ Генераломъ (*). Князья Вишневецкіе извѣстны Россіянамъ по царствованію Лжедимитрія; отъ нихъ произошелъ и Михаилъ Корибутъ, Король Польскій, слабый наслѣдникъ могущаго Собіескаго. Нынѣшній замокъ Вишневецкій сохранилъ въ себѣ всѣ памятники древности; на дворѣ его 42 желѣзныя пушки и 24 мортиры, выкопанныя изъ рвовъ и служащія теперь вмѣсто столбиковъ. Замокъ, хотя древній, отъ нѣкоторыхъ поправокъ получилъ всю красоту новѣйшихъ и удержалъ прежнее свое величіе. Внутреннее убранство покоевъ соединяетъ также видъ новѣйшій съ древнимъ и не льзя было лучше соединить

(*) Gòra Poczaiowska, стр. 5.

оныхъ. Но первымъ достоинствомъ сего великолѣпнаго жилища должно почитать, безъ сомнѣнія, множество картинъ разнаго рода, коими украшены всѣ стѣны замка. Въ одномъ покоѣ находите живопись, до Исторіи Лжедимитрія относящуюся: сердце ваше бьется знакомымъ трепетомъ, видя здѣсь, въ сосѣдствѣ Карпатскихъ горъ, изображеніе Кремля и Русскіе кафтаны; далѣе висятъ портреты всѣхъ Королей Польскихъ, съ надписями; послѣ того миніатюры лицъ, до новѣйшей Исторіи относящихся; многіе изъ сихъ портретовъ плѣняютъ васъ красотою, а ландшафты утѣшаютъ разнообразіемъ. Императоръ Павелъ, будучи еще Великимъ Княземъ, проѣзжалъ здѣсь во время путешествія своего за границу, подъ именемъ Графа Сѣвернаго: доска, прибитая внизу, при входѣ, сообщаетъ о томъ любопытному. Въ одномъ изъ покоевъ Государь, не заставъ хозяина готовымъ къ пріему, написалъ на зеркалѣ бриліантовымъ перстнемъ: *Le Comte du Nord.* Замокъ Вишневецкій показался мнѣ любопытнѣйшимъ изъ всѣхъ замковъ, мною видѣнныхъ въ этомъ краю, изобильномъ богатыми жилищами Польскихъ магнатовъ, кои, при Европейской образованности XIX столѣтія, любятъ сохранять нѣкоторую особенность временъ рыцарскихъ.

Въ трехъ верстахъ отъ Вишнёвца находится прелестный садъ, называемый

Лозы; здѣсь, по свидѣтельству Нарушевича (*), Король Станиславъ Августъ, въ 1787 году, проѣздомъ въ Канёвъ и обратно, былъ отлично угощаемъ хозяевами. Окрестности Вишнёвца столь милы и живописны, что путешественнику трудно разстаться съ ними: какое спокойствіе царствуетъ въ замкѣ! Какая прохлада въ густыхъ аллеяхъ! Гористые берега Горыни съ какою любовію открываютъ свой излучистый токъ! Все совокупилось, чтобы надолго присоединить Вишнёвецъ къ моимъ воспоминаніямъ!

Отъ Вишнёвца до самаго почти Кіева ѣхалъ я на почтовыхъ и не имѣлъ удобства обозрѣвать все примѣчательное по сей дорогѣ. Черезъ Яшноль и Бѣлогородку, вступилъ я въ обширныя помѣстья Князей Сангушекъ. Нынѣ раздѣлены оня на двѣ части, изъ коихъ средоточіе первой находится въ Заславлѣ, уѣздномъ городѣ, а другой въ Славутѣ, богатомъ мѣстечкѣ, знаменитомъ суконными фабриками, заводомъ Арабскихъ лошадей и Еврейскою типографіею. Заславль не должно полагать, какъ думаетъ Г. Руссовъ, тѣмъ самымъ Изяславлемъ, который построенъ Владиміромъ для Рогнѣды. Сей послѣдній находится въ губерніи Витебской (**). Недалеко

(*) Dyaryusz Podroży Stanisława Augusta na Ukrainę, w roku 1787, въ изд. Мостовскаго, стр. 183, 313.

(**) Волынск. Зап. стр. 6. Ист. Гос. Росс. I, стр. 207 и прим. 440.

отъ Заславля стоитъ Зеленецкая корчма, при коей дано Поляками первое сраженіе противу Рускихъ, послѣ обнародованія Торговицкой Конфедераціи (7 Іюня 1792 года) (*).

Мѣстечко Любаръ, на Бердичевской дорогѣ, заслуживаетъ вниманіе, какъ пріятнымъ положеніемъ своимъ, на рѣкѣ Случи, такъ въ особенности небольшимъ, но прекраснымъ домомъ Гг. Карвицкихъ, здѣшнихъ помѣщиковъ: новѣйшій вкусъ руководствовалъ хозяевъ въ убранствѣ комнатъ и расположеніи сада. Осмотрѣвъ съ любопытствомъ это жилище волшебницъ и пожалѣвъ объ ихъ отсутствіи, отправился я далѣе къ м. Краснополью.

Верстахъ въ пяти отъ онаго появляется прекрасный домъ, новѣйшей архитектуры, принадлежащій Г. Гижицкому. Смерть почтеннаго владѣтеля, тогда скончавшагося (1826), наложила печать унынія на мѣста сіи; но честность и рѣдкое безкорыстіе сего мужа, въ теченіе 10 лѣтъ бывшаго Губернаторомъ Волынскимъ, живутъ въ сердцахъ его сограждан.

Отъ Молочекъ, черезъ Краснополье, Пятки и Трояново, поѣхалъ я весьма плохою дорогою, къ Житомиру. Въ этомъ губернскомъ городѣ пробывъ менѣе 24 часовъ, не могу сказать о немъ ничего

(*) Бантке, Dzieie Królewstwa Polskiego, 1820 г. Т. II, стр. 531.

замѣчательнаго. Рѣка Тетеревъ извивается живописнымъ образомъ недалеко отъ него, и о ней, какъ о Горыни и Случи, упоминается въ походѣ Изяслава 1151 года. Взглядъ на сей городъ пріятенъ: чистая площадь, немногое число прямыхъ улицъ и хорошая мостовая отличаютъ Житоміръ отъ городовъ обыкновенныхъ, кои встрѣчаются въ Польшѣ. Въ тотъ же день передъ вечеромъ я пріѣхалъ въ Бердичевъ.

Кто не знаетъ, по опыту или по разсказамъ, знаменитой ярмарки Бердичевской? Здѣсь соединяются богатства сѣверныя съ Макарьевской ярмарки, восточная роскошь изъ Одессы и западныя удобности жизни, привозимыя черезъ Радзивиловъ. Я жалѣлъ, что обстоятельства не позволили мнѣ быть въ Бердичевѣ во время главнѣйшей изъ пяти ярмарокъ, 12 Іюня, въ день Св. Онуфрія. Не смотря на то и въ обыкновенные дни представляетъ Бердичевъ картину торговли и промышленности. Главнѣйшій торгъ находится тутъ, какъ и въ цѣлой Польшѣ, у Евреевъ; но нѣкоторые магазины содержатся и Нѣмецкими купцами. Примѣчательностей въ городѣ нѣтъ, кромѣ монастыря босыхъ Кармелитовъ, съ великолѣпною церковью.

Дорога къ Махновкѣ пріятна и разнообразна: гористое положеніе показываетъ вамъ приближеніе къ Подолю; тутъ же начинается губернія Кіевская. Вступивъ въ

оную черезъ Махновку, выѣхали мы на равнины, кои составляютъ отличительность Украйны, такъ точно, какъ Подоль образуется холмами, а сѣверная Волынь лѣсистыми низинами. Необыкновенное плодородіе и красота Украйны заставляютъ невольно привѣтствовать ее съ Трембецкимъ:

Miła oku, a licznym ożywiona płodem
Witaj kraino, mlekiem płinąca i miodem (*).

Здѣсь-то начинаются сіи степи, т. е. мѣста открытыя, кои съ Исторіи XVII столѣтія равномѣрно принадлежатъ Польшѣ и Россіи, набѣгами казаковъ и славными ихъ битвами. Здѣсь начинается классическая земля Малой Россіи и ея величія!

Отъ Махновки почтовая дорога къ Кіеву идетъ черезъ Сквиру, Бѣлую Церковь и Васильковъ. Первый изъ сихъ городовъ не заслуживаетъ большаго вниманія; но Бѣлую Церковь, хотя неуѣздный городъ, можно, кажется, почесть многочисленнѣйшимъ въ здѣшней окрестности. Въ немъ находится около 1900 домовъ, а между ними 450 Еврейскихъ. Полагая среднимъ числомъ по 4 человѣка на каждый домъ, можно считать около 8 тысячь жителей въ этомъ мѣстечкѣ. Положеніе Бѣлой Церкви не весьма пріятно: степь около 100 верстъ въ протяженіи окружаетъ ее

(*) Первые стихи въ Поэмѣ Трембецкаго: Zofiówka.

со всѣхъ сторонъ; но въ замѣнъ того вы вознаграждены совершенно, верстъ за пять до Бѣлой Церкви, зрѣлищемъ слободы Александріи: тамъ обыкновенное жилище Графини Браницкой, которая только на зимніе мѣсяцы переѣзжаетъ въ Бѣлую Церковь, средоточіе ея необъятныхъ помѣстьевъ. Александрія поставлена въ самомъ неблагодарномъ мѣстоположеніи; но богатство строителей исправило недостатки красотъ природныхъ, и прекраснѣйшій Англійскій садъ поднимается среди необозримой равнины. Пространство его заставляетъ васъ думать, что вы гуляете въ расчищенномъ паркѣ; но статуи Діаны, Аполлона Бельведерскаго и Гладіатора напоминаютъ вамъ объ искуствѣ.

Въ Александріи, кромѣ главнаго строенія, находится нѣсколько павильоновъ, изъ коихъ каждый назначенъ для котораго нибудь изъ членовъ семейства Графини Браницкой. Одинъ изъ нихъ, между прочимъ, носитъ названіе Императора Александра. Монархъ, во время своихъ путешествій, посѣщалъ многократно племянницу великолѣпнаго Князя Тавриды, которая Ему сопутствовала даже на приступъ Очаковскій.

Подъ Бѣлой Церковью одержалъ знаменитую побѣду надъ Польскимъ Гетманомъ Жолнѣвскимъ Малороссійскій Гетманъ Наливайко, но вскорѣ, разбитый подъ Лубнами, заплатилъ за свое геройс-

ство ужасною смертью въ Варшавѣ (1597). Вообще нѣтъ мѣста на Украйнѣ, которое не было-бы орошено кровію Поляковъ и Казаковъ, въ ужасной войнѣ, которой Унія была причиною.

Отъ Бѣлой Церкви къ Василькову, на рѣкѣ Стугнѣ и далѣе дорога превосходна, но когда подъѣзжаешь къ Кіеву, становится песчаною. Неровности оной показываютъ, что вы приближаетесь къ корыту Славянскаго Днѣпра, Скиѳскаго Борисѳена. За пять верстъ не доѣзжая Василькова, находится корчма, называемая Карантинною; тамъ, со времени присоединенія Кіева къ Россіи до втораго раздѣла Польши, находилась граница между Россіею и Польшею, граница, слишкомъ сто лѣтъ существовавшая. Вотъ почему небольшой клочокъ праваго берега Днѣпра, между рѣками Стугною и Ирпенью заключающійся, носитъ на себѣ отпечатокъ Русскихъ обычаевъ въ то время, какъ остальная часть Украйны сохраняетъ Польскіе нравы. Однако Жиды, коихъ нѣтъ въ Россіи, впущены и сюда по присоединеніи Польскихъ губерній.

Васильковъ, нынѣ уѣздный городъ, выстроенъ Владиміромъ Великимъ и назывался въ то время Василёвымъ, по Христіанскому имени крестителя Россіи. Тамъ-то, около 995 года, окруженъ онъ былъ Печенѣгами и принужденъ будучи скрыться подъ мостъ, далъ обѣтъ, буде Небо спасетъ его отъ погибели, соорудить храмъ празд-

нику того дня, Святому Преображенію. Небо услышало мольбу его, а Владиміръ сдержалъ свое слово и соорудилъ храмъ въ семъ городѣ; народъ-же и бояръ своихъ угостилъ пиромъ, какихъ теперь вѣроятно не бываетъ въ Васильковѣ (*).

Съ приближеніемъ къ Кіеву нетерпѣніе болѣе и болѣе овладѣвало душею. Духъ Исторіи, подобный тому Камоэнсову Духу бурь, который въ открытомъ морѣ предсталъ дерзкому мореплавателю, сей исполинъ-разрушитель, казалось мнѣ, ожидалъ меня на горахъ Кіевскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли Руской безъ волненія сердца воспоминать эпохи Ольги, Владиміра, Ярослава? Можетъ-ли безъ чувства переходить къ бытописаніямъ позднѣйшимъ, къ варварскому нашествію Батыя, къ дѣяніямъ Запорожцевъ, дикихъ, но воинственныхъ, и наконецъ, къ великолѣпному путешествію Екатерины по Днѣпру, когда два Государя и одинъ Потемкинъ сопровождали ея торжество? Можно-ли вспомнить объ этомъ и не предаться мечтаніямъ? Вообще, подъѣзжая къ городамъ, къ коимъ давно стремилось ваше сердце или воображеніе, не льзя не ощутить тѣхъ чувствъ, кои пѣвецъ Освобожденнаго Іерусалима приписываетъ своимъ крестоносцамъ, когда впервые увидѣли они башни столицы

(*) Ист. Гос. Росс. I, стр. 224 и прим. 475.

христіанской. Я помню, что во дни славы Русской, въ 1814 году, тотъ же радостный трепетъ овладѣлъ воинами, когда Парижъ предсталъ взорамъ побѣдителей, обѣщая награды ихъ трудамъ и терпѣнію. Съ такимъ-же волненіемъ сердца приближался я къ Кіеву. Первымъ пріятнымъ зрѣлищемъ для меня была колокольня Печерской Лавры; она верстъ за 25 уже поднимается за лѣсомъ; по мѣрѣ-же приближенія къ городу подвигается она вправо, какъ предметъ фантасмагоріи; но возвращаясь отъ Кіева къ Василькову, это явленіе еще занимательнѣе: тогда колокольня, убѣгая въ лѣсъ, какъ будто спѣшитъ скрыться отъ неблагодарнаго, который рѣшился покинуть прекрасную столицу Владиміра. Вершины Золотоверхомихайловскія и куполъ Святой Софіи открываются также мало помалу, а за ними и другіе кресты церквей благочестиваго города; но разбросанныя на большомъ пространствѣ, онѣ не производятъ большаго дѣйствія. Если хотите видѣть Кіевъ съ лучшей точки зрѣнія, надобно быть за Днѣпромъ на Московской дорогѣ: оттуда представляется онъ чудною великолѣпіемъ громадою. Наконецъ, по песчаной горѣ, достигнулъ я Васильковской заставы и — нахожусь въ Кіевѣ.

Петръ Габбе.